

18+ **КОНСТАНТИН УТКИН**

Банда Сухого оврага

Константин Уткин
Банда Сухого оврага

«Издательские решения»

Уткин К.

Банда Сухого оврага / К. Уткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688774-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**Продолжение романа «Тигр грозового неба»

Ситуация становится все запутанней, непонятней и необъяснимей, но куда
дваться. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-688774-9

© Уткин К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 2. Шкатулка – дворницкая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Банда Сухого оврага

Константин Уткин

© Константин Уткин, 2025

ISBN 978-5-0068-8774-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Мальчики, это что такое?

Возмущенным воплем с самого раннего утра мы были разбужены и совсем не рады этому – до смены оставалось еще два часа, до прихода работников – вообще три. Никто в нашем кооперативе трудиться не спешил. То есть обычно мы просыпались в половину восьмого, не спеша пили чай или похмелялись, потом писали журнал что смена прошла без происшествий – а были они или не были совершенно неважно и катились на Университет, где у подвала стояли толпы жаждущих чуда и Угланка в своей каморке наносила на лицо боевую ведьминскую раскраску.

Но чтобы в шесть утра нас будила какая-то скандальная старуха – это уже чересчур. Тем более гнев ее был непонятен. Она уборщица, ее задача –мыть грязный пол, а не тыкать в него пальцем.

– Нет, мальчики, объясните, что это такое? Что вы тут по ночам устраиваете?

– Да ничего мы по ночам не устраиваем – проворчал я – только молниями кидаемся и на тиграх летаем.

– Да летайте сколько угодно – у старухи уши были, видно, как у рыси – но убирать за собой надо?

– Теть Паш, с какой стати я буду за собой убирать, если у нас есть такой прекрасный ценный специалист как ты? И ведь никогда не ругалась, что с тобой, моя старушка?

– Нет, знаешь ли, ты тигра сюда привел, ты за ним и убирать должен. Я на в зоопарке, за кошками вытирать. За людьми согласна, за кошками за отдельную плату.

– Теть Паш, так ты дома за кошками убираешь, да еще и кормишь их. А тут...

И тут я замолчал. Потому что пол был грязный, действительно, на нем были отпечатки громадных кошачьих лап и грязного брюха, бакенбард и подбородка, а также бока и уха – как валялся тигра на полу после ночных полетов, так и отпечатался.

– Это что? – ткнула уборщица в пол пальцем.

– Прохор!! – заорал я, не зная, как объяснить такие экзотические отпечатки на линолеуме. Проша выплыл, как мрачная рыжая туча и пробурчал.

– Ну и что вы разорались?

– Вот! – дружно показали мы вниз.

– Ну и что? Спрашиваю – и что?

– Ты что, не видишь отпечаток? Три метра в длину!!

– Господи, вижу, и дальше что?

– Кто это мыть будет?

– Теть Паш, да ты и будешь. Кто еще.

– Вы сдете – мне мыть?

– Теть Паш, ну да, вообще-то. Мы сдем, ты моешь. Работа такая.

– Да тут тигр валялся!!

– Теть Паш, подумай сама – откуда в Москве, в десяти минутах от Савеловского вокзала, в двадцати – от Марьиной роши, откуда здесь тигр?

Мы с тетей Пашей только переглянулись. Вопрос был убийственный.

– Теть Паш, дорогая моя, золотая моя, давай-ка ты возьмешь тряпочку и сделаешь из тигриных следов обычную грязь. И никто ничего не узнает. А потом мы тебя коньячком угостим, у нас есть в заначке.

– Сначала коньяк – твердо ответила тетя Паша.

Проша с грацией похмельного медведя метнулся к нам и принес четверть стакана янтарной жидкости. Тетя Паша сноровисто выпила, прижала рукав халата к сморщенным губам вместо закуски, хитро посмотрела на нас.

– Мальчики, а что тут было-то? Ну мне расскажите, как своей. К вам дрессировщик бухать приходил?

– Вот что значит старая гвардия – обнял Проша ее за плечи – ничего от нее не скроешь. Да, приходил, Эдик Распашный. Мы с ним еще со школы дружим. А он без тигра никуда.

– Ох, молодежь – шаловливо пропела развеселившаяся уборщица и в несколько движений уничтожила следы преступления. Проша уставился на меня, я на него, и мы молча прошли в свой закуток, где уже булькал в литровой банке кипятильник.

Проша молча бухнул туда полпачки чая, щедро насыпал сахара, достал кусок размякшего хлеба с традиционной круглой твердой котлеткой, мне не предложил.

– Сам о себе заботиться должен – пробурчал он и налил себе чая.

– Прош, а ничего что ты на меня работаешь? – искренне изумился я такому жлобству.

– Работаю и буду работать, куда ты на хрен от меня денешься, но заботиться ты должен о себе сам. А ты маменькин сыночек какой-то. Все тебе разжуй и в рот положи.

Я не стал спорить, достал из ящика плитку шоколада и налил себе черной заварки – она была куплена мной и отобрать ее напарник не мог. Но долго ли он с таким отношением останется напарником? Проша как будто прочитал мои мысли.

– Как только появится такая возможность, я от вас уйду. Это унижительно. Ты ни черта не знаешь вообще, ты по жизни двоечник, ты по жизни неудачник, ты полное ничтожество, которое гордится тем, что ничего не зарабатывает... – брови у меня проползли по всему черепу от удивления – который всю свою короткую жизнь только и делал, что валялся на диване, жрал водку и портил девок. Ни таланта, ни ума, ни образования, вообще ничего. Полный, полный, абсолютный ноль, тебя надо кормить, учить, носки тебе стирать, потому что воняют, ты все дела, которые начинал, заваливал, на тебя нельзя положиться... ты настоящий маргинал, коллекционный экземпляр.

Он замолчал, уставившись на меня красными глазами, потом продолжил.

– Меня тошнит от одного твоего присутствия, от твоей глупости, от твоей наглости, от твоего раздутого самомнения, от твоей высокомерной манеры общения, ты мне омерзителен целиком и по кусочкам.

Он замолчал, какое-то время рассматривал котлету и заявил.

– Эта дура еще, жена, дочка под ногами бегают, корми их за одну и ту же котлетку. Хоть бы вкусно готовила. И на вид шайба, и на вкус шайба. О чем я?

– Обо мне.

– А, ну вот. Ты полное ничтожество. И почему тебе знания, а не мне?

Воскликнул он с актерским надрывом.

– Стоп, Проша – какие такие знания?

Почему -то меня его прочувствованная речь совершенно не обидела, если копать глубоко он был совершенно прав, если неглубоко – тоже.

– Какие знания – проворчал тот в ответ – тебе виднее, тебя же наделили.

– Что значит – наделили?

– Тебе виднее. Только когда этот самый нацмен руки на тебя наложил...

– На лоб?

- Да, на лоб, через несколько секунд у него глаза закатились и кирдык.
- Что кирдык?
- Бляха, достал ты меня своими вопросами. Я знаю вообще не больше твоего.
- Да, но тем не менее ты мне рассказываешь, что вчера произошло, а не я тебе.
- Помер он, короче. Ты правда что ли не помнишь ничего?
- Вообще ничего, как отрубил.
- Счастливец.

Телефон разразился оглушительной трелью, такой, что мы подпрыгнули. После всего, что происходило ночью, нервишки у нас было, как это мягко сказать, ни к черту.

Звонил дядя Лева из приемной – прорычал, как вчерашний тигр, что больнице выдали гуманитарную помощь, и, поскольку мы тунеядцы, но все-таки работаем в больнице, можем рассчитывать на паек, если поторопимся.

После чего – мы уж переоделись и собрались торопиться за пайком – телефон зазвонил как-то робко и негромко. Еще бы, он соединил меня с начальником охраны, который извиняющимся голосом сообщил, что наши сменщики ушли в запой прям сразу парой, и не могли бы мы остаться еще на сутки за двойной тариф?

Проша был на все готов, лишь бы сбежать хоть на день от надоевшей жены и дочки, которая вечно крутится под ногами, а мне нужно было все-таки выяснить, что же со мной произошло сегодня. В конце концов, начальник я или не начальник, могу я оставить Угланку поработать самостоятельно, без моей помощи?

Я кивнул, Проша весь перекосячился, но ответил, что мы готовы, и нам это, надеюсь, зачтется при будущих возможных проступках? Ответ, судя по всему, был убедительный.

Проша молча встал, убрал со стола остатки былой роскоши – а я сидел, не шевелясь, и наблюдал – поправил ремень с петлей для дубинки – и вышел, так и не проронив ни звука.

Я, так сказать, остался на посту – мало ли кто придет в абортарий до начала рабочего дня? Да и американские пайки меня не сильно интересовали.

Вернулся Проша через полчаса. На одном богатырском плече у него лежал пятидесятикилограммовый мешок. В руке резал пальцы ручками тяжелый пакет, наполненный чем-то твердым, угловатым и изжелта-белесым.

Проша бы, как ни странно, спокоен и умиротворен. Спиртовой дух, наполнивший нашу каморку, был тому причиной, или халява я не знаю.

Он сбросил мешок на пол – от него поднялось видимое облачко пыли, разогнулся, уперев кулак в поясицу и сказал, довольный.

– Вот. Пятьдесят килограмм чечевицы. А это окорочка. Куриные. Видишь, сколько? Вечером отварим – хоть обожрись. Я, правда, не знаю, как эту чечевицу готовить и что она вообще такое, ну заодно и ее опробуем. Какие люди...

Вдруг закончил он прочувствованно и едва ли не со слезами на глазах.

– Какие люди... могли бы на нас ядерную бомбу сбросить, и все, а они – чечевицу присылают. Окорочка. И ведь бесплатно, заметь – бесплатно. А ты говоришь – капитализм. И вот еще... – Он достал красно – белую пачку – настоящий американский табак. Это не то, что наш мусор, это табак!! Настоящий, американский. Какие люди...

Этой свое присказкой – какие люди!! – он меня, честно говоря, слегка достал за эти вторые сутки. Он сидел насупившись, думая, очевидно, о несправедливости мира, потом взгляд его касался – совершенно случайно – стоящего в углу мешка с чечевицей, и лицо его, его рыжий масляный блин тут же разглаживался, приобретало умиленное выражение и по губам можно было прочитать – какие люди!!!

Кстати, медсестра, сидящая вместе с нами и принимающая клиентов, от чечевицы и жирных окорочков отказалась категорически. Я что, нищая, сама себя прокормить не могу? Нет уж, спасибо – говорил весь ее вид, когда она осмотрела вытасенный из невесть каких запасов

неряшливый мешок и пакет с куриными ногами, которые явно страдали ожирением – и куры, и их ноги.

Но Проша не заметил выразительности ее отказа. Он был весь в мечтах о вечере, когда можно будет сварить в медицинском боксе сразу несколько окорочков и жрать их, с текущим по подбородку жиром, жрать и не бояться, что они закончатся – вот оно, счастье!!!

В общем, так оно и получилось – на плитке, которую мы одолжили в кабинете УЗИ (зачем ему нужна была плитка, как и осталось загадкой, наверное, не все в порядке дома) булькали химическим бульоном, разгоняя по поверхности жирные желтые пятна, раздутые белесые окорочка. Которые швырнули с барского плеча раздавленной, уничтоженной, опозоренной стране.

Но Проше имперские амбиции были совершенно чужды – он наслаждался, как слуга, забравшийся в покои хозяина и сидящий в его кресле.

Он курил и иногда, с нежностью рассматривая смрадный бычок прежде, чем его раздавить, говорил про настоящий табак. Разглядывая бледные куриные кости на тарелке, смаргивал слезы умиления и повторял – какие люди!!! Могли бы ведь и ядерную бомбу на нас кинуть. А они – всхлипывал он – окорочка.

Он съел обе ноги, потом достал из пакета еще две, потом еще, мотивируя это тем, что, мол, все равно они испортятся – и за вечер уговорил полный пакет. Глазки его затянулись сытой поволокой, желтое сало, казалось, впиталось в пятна веснушек, щеки лоснились еще больше – Проша млеет от наполненности своей жизни.

Те же окорочка продавались, да и не только они, все можно было купить при некоторой удаче – но ему было важно жрать гуманитарку и ощущать себя...

Я задумался – кем ощущает себя человек, бывший житель великой страны, преданной элитой и проигравшей в геополитической борьбе? И пришел к выводу, что никем. Таким как Проша был важен тепло устроенный зад, а за чей счет он будет его греть, не имело совершенно никакой роли.

В тот момент победили американцы, и мой охранник срочно создавал себе положительный портрет нового хозяина – борьба за самоуважение тепла для зада совершенно не предполагает.

Я хотел расспросить о многом – об отпечатке громадного тела на полу, о грозе, о мужичке в болотных сапогах, совершенно неуместного в Москве, о его шершавых ледяных руках не моем лбу – но все как-то не получалось. Проша весь ушел в смакование поступка своих новых хозяев – причем, если бы была возможность, то и чечевицу бы он съел сразу, все пятьдесят килограмм. Не дочке же, которая крутится под ногами, везти? Дочку и так хорошо кормят.

Он был похож в своем наивном подбострастии на дикаря, который смотрит на белого массу как на бога, не замечая трехдневного перегара, несвежего воротничка и немывтого мяса тела.

Ближе к вечеру стало еще хуже – Прошу вдруг понесло в высокие материи. Он сидел, развалясь, выкатив брюхо, зажав основаниями пальцев трубочку настоящего американского табака (такое же дерьмо, как и ненастоящий не американский табак) и рассуждал.

– Великий американский плавильный котел дает нам возможность избавиться от позорного наследия совка – от рабства, от стадности, от серости, от одинаковости. Дай только возможность нашему человеку свободно работать, как мы достигнем сияющих вершин и благословенных высот!!!

– А какой отношение плавильный котел имеет к сияющим высотам? – осторожно спрашивал я своего экзальтированного от чечевицы собеседника. В таком состоянии – опасался я – он может и стулом в голову несогласного запустить.

– Такое отношение, что только лучшие смогут выжить и преуспеть...

– Скажи пожалуйста, а кто лучше – ботаник-отличник или двоечник-хулиган? Или, к примеру, тихий троечник? Кто из них в плавильном котле твоём выжить должен?

Проша набычился и начал вращать глазами – это у него обозначало высшую степень умственной работы.

– А я тебе скажу. Сначала отличник начнет за счет своих знаний двигаться вперед и вверх, это разозлит двоечника, который так не сможет, он просто придет и отберет у отличника все, чего тот достиг. И ему так понравится брать и отбирать, то он будет своего отличника даже защищать от других таких же двоечников. Хотя, между нам говоря, нужно всего-то отправить двоечника туда, где ему на роду быть написано – в тюрьму или канавы какие-нибудь копать. А в твоём любимом котле он становится рядом с самыми лучшими представителями общества. Справедливо? Не мой взгляд не очень. А дальше будет хуже. Ты знаешь кто со мной охранял какую-то стройку? Капитан, простите, атомной подводной лодки. Которого все океаны лично знали, что Тихий, что Атлантический.

– Ну и что – сытый лоск с Проши постепенно сходил – каждому по потребностям, от каждого по способностям.

– Ну да. У большинства потребности в сотни раз превышают способности. Так что, дорогой мой друг, сверху должен стоять один великий уравниватель, который всех стрижет примерно одинаково и никого не обижает. А вот если у тебя действительно что-то выдающееся – живот, к примеру, или талант – то и дает он тебе слегка побольше. Зато никто не обижен, никто не уйдет обиженный.

– Это в тебе тоталитарная отрыжка говорит. Только -только с ним справились, только настоящей свободы глотнули, а ты хочешь обратно в тюрьму народов.

– Прош – вкрадчиво начал я гнуть свою линию – а ты же у нас впередсмотрящий? Погляди, что будет лет через десять. Или через двадцать.

Проша же уперся, как бык, и не хотел ни за что смотреть вперед. Мотивируя это тем, что ему совсем неинтересно жить становиться, все зная. Он вообще старался не говорить сегодня на мистические темы – в самом деле, должен же иногда маг и охранник мага отдохнуть от магии? При вопросах в лоб – что вчера тут было, что за тигр, понимаете ли, валялся в коридоре? – Проша напрягался, глазки его начинали суетиться, и он, как глухарь на току, продолжал бубнить про великую очищающую силу плавильного котла, в который наша страна благодаря примеру и помощи великой Америка наконец-то попала. А я говорил, что Америка разжирела, как вот эти окорочка, оступела и обнаглела, и, в конце концов, объясни, что тут за тигры по ночам ходят? Если бы Проша ответил, как в советском фильме – да, я их по ночам пасу – мне было бы проще. Я что-то смутно помнил, но именно что-то и именно смутно. Внятных же объяснений – да, смешно – получить не мог.

Я поставил на стол коньяк, отчего мой напарник стал переливаться всем оттенками багрового, как хамелеон – но отказывался говорить про вчерашнюю ночь. У него началось повышенное слюноотделение, он постоянно сглатывал, глядя на играющую золотом этикетки бутылку с жидкостью цвета крепкого чая, но молчал. Я стал опасаться, что он захлебнется слюной или получит апоплексический удар – но, поскольку мы теперь питались и пили отдельно, божественный нектар ему не выдавал, такая я сволочь.

Прошу спас звонок – милый девичий голос попросил подняться на четвертый этаж, в палату интенсивной терапии, и забрать парочку трупов.

И хмель с Проши слетел моментально. Он побледнел до синевы, дрожащими руками стал откручивать крышку от фляжки – кроме всего прочего у него была и секретная императорская фляжка, к которой он прикладывался впопыхах, когда общего поила не хватало. Я кинулся на него коршуном, выхватил фляжку и приготовился к защите – кость у голодной собаки отобрать бывает легче. Но Проша был настолько деморализован, что отдал заветную емкость не сопротивляясь. Он смотрел на меня с отчаянием, причина которого мне не была ясна.

Люди в соседней больнице, в главном корпусе умирали часто, и сестрички с санитарками иногда просто физически не могли отвезти тела вниз, не хватало сил. Кого еще просить?

Только звереющую от скуки охрану. Им разнообразие, сестрам польза. И охранники относились к такому положению вещей с пониманием – тем более на этажах всегда можно было разжиться спиртом.

Обычно, правда, просили смену, сидящую в соседнем корпусе, они ближе, но иногда дозванивались и до нас.

– Иди, я не пойду – прокляцал Проша зубами. Потом придумал что-то совершенно идиотское – За окорочками прослежу, вдруг сгорят.

– А плитку выключить – не? Зачем за ними вообще следить?

– Ну, сгорят, убегут, не знаю... не пойду.

– Пойдешь. Вдруг там бабка какая-нибудь сто с лишним килограмм? Я же один ее не довезу.

– Попроси других.

– Ну значит другие заняты где-то, раз нас попросили. Да что с тобой? Там же спирту нацедят.

– Плевал я на твой спирт!! – Взвизгнул Проша и пошел нести околесицу – Не хочу больше я его видеть!! У меня от одной его рожи несварение случается!! Мне вчерашней ночи хватило!! Тебе хорошо, ты вырубился и знания во сне получал, а я?

– А ты? – эхом повторил обескураженный я.

– А я сидел и слушал весь тот бред, который нацмен мне в уши лил!!

– Слушай – Проша сам свернул на нужную мне дорогу, только успевай спрашивать – а что вчера вообще произошло? Подробней можно? А почему ты все это безобразие прекратить не мог?

– Блин, ты тигра в коридоре видел?

– Тигра?

– Тигра. Ну хотя бы грязь от него сегодня!!!

– Грязь. От. Тигра.

– Лежал он там и мурлыкал.

– Тигр? Мурлыкал?

– Да что ты как попугай повторяешь!! Да, мурлыкал, они, оказывается, тоже мурлыкать умеют, коты ведь, хоть и большие.

Потом Проша посмотрел на меня с непередаваемым выражением и заявил.

– Да. Напрочь мозги отшибло. Вот счастливец. А мне с этим жить. Неужели мне не мог помочь? Вот уж дела господни неисповедимы. Ладно, пошли. Он об этом тоже говорил. Главное – тело не трогай.

– Хорошо – сказал я, скрежеща ключом в замке нашего отсека – не буду, сам его перевалишь с каталки на стол.

Проша гневно посмотрел на меня, но никак комментировать не стал.

На этаже нас встретили медсестры – одна маленькая, черненька, с плоским и, кажется, перебитым в детстве носом, отчего ее милостивое личико приобрело некоторую чертовщинку, с блестящими смоляными волосами, собранными в тяжелый узел, и вторая – огромная блондинка с выпадающими из тесного халата прелестями. У нее были воловьи глаза навывкате, мясистые, щедро напомаженные губы, крупные серьги, крупные кольца на крупных руках. Меня он отмела с первого взгляда, а вот Проша удостоился пристального внимания.

– Мальчики – пропела она, прижимаясь к Прохору бедром – как жмуриков отвезете, приходите к нам. Мы как раз и стол накроем.

А на Прошу было страшно смотреть – он стал блее халата, щеки стекли вниз, как подтаявший студень, по телу волнами проходила нервная дрожь. Восприняв его психоз как волнение изголодавшегося мужика, блондинка вдруг засмеялась.

– Да что ты как целочка, все хорошо будет. Везите их уже.

Морг традиционно находился в самом заброшенном углу территории и имел отдельный вход с улицы. Днем разросшиеся деревья навели мысли о вечности и скоротечности, ночью навевали жуть. Одноэтажное приземистое здание с решетками на окнах и железными дверями крашеными казенной краской было пропитано могильным холодом – хотя, конечно, служебные помещения отапливались нормально.

Черненькая сестричка прытко бежала впереди, мы толкали тележку за ней, колесики, крутящиеся и подсакивающие на выбоинах асфальта, норовили увезти наш груз в сторону и просто перевернуть, приходилось прикладывать усилия.

Девчонка стала трезвонить в дверь, после пристального разглядывания нас в глазок загремел засов. Ключ подобрать можно, а вот засов не подберешь – пояснил нам заспанный сторож.

Он проводил нас в хранилище, пока еще пустое, сестричка сдернула простыню жестом фокусника – и мы, все трое, раскрыли рты.

Молодой парень был разрисован какими-то черными полосками, больше всего напоминающими реки с притоками с высоты или изображение корней – от обугленного пятная на плече расходились извилистые узоры по всему фиолетовому телу.

При этом от него несильно, но явственно пахло гарью.

– Молния – пояснила сестричка – в него попала. Видимо, под дверь в больницу привезли и бросили, сам он ходить уже не мог. И еще у него несколько переломов, как будто сбросили откуда-то.

– Может ментов вызвать? – робко предложил я – может это убийство?

– Да нет – отмахнулась медсестра – скорее всего на крышу залез вместе с девкой, или без нее, на грозу полюбоваться, там по нему и шандарахнуло. Полюбовались? Пошли, второго везти надо.

– А второй тоже?

– Нет – поняла вопрос девушка – второй нормальный бомж. Сердечко отказало. Хотя тоже странный. Первый раз вижу бомжа в болотных сапогах. Ну, не знаю, может он червяков для Птичьего рынка добывает.

Мы шли к корпусу, каталка прыгала, дребезжала колесами, на ней белой грудой, спящим привидением лежала простынь, девушка почти в припрыжку торопилась впереди.

Возле лифта в облаке настоявшегося густого перегара спал дядя Лева. Пришлось оттащить его тушу в сторону, чтобы освободить проход.

Второе тело погрузили и довели без приключений – из интересного на нем была лишь расплывчатая грязь старых уродливых татуировок да твердые, как камень, даже на вид мускулы без малейших признаков жира.

И улыбка, явная улыбка на лице – как будто этот человек, смуглый, легкий, иссушенный годами, встретил смерть, как избавительницу или просто любимую.

Руки трупа были связаны на животе, я взял его подмышки – нам не привыкать – и едва не уронил. Мне почудился слабый электрический разряд, какой-то едва ощутимый импульс в доли секунды.

Проша, держа тело за ноги, смотрел на меня, как на чудо, со смесью сожаления, раздражения и какой-то необъяснимой брезгливости. Может, у меня гримаса на лице появилась, не знаю.

Дальше произошло нечто странное – черноглазая крошка с перебитым носиком прямо гарцевала на месте, так ей нетерпелось вернуться на этаж и предаться простым жизненным радостям, я тоже, в общем был не против отогнать воспоминания о разрисованном молнией человеке – а Проша был мрачнее тучи.

Но каталку на этаж вернуть надо, бросить сестричку одну в мокром дворе под огромными облетающими тополями было бы не по-джентельменски, соответственно избежать объятий большой блондинки Проша не мог по определению. Да он и не старался, впрочем, но и вни-

мания на девушку обращал не более, чем на предмет мебели. Вот это стул – на нем сидят, вот это баба – ее пользуют, раз под рукой.

Выпив две мензурки теплого разведенного спирта, он, наконец, понял, что от него требуют – молча встал, сграбастал свою подругу и увел ее на пять минут. Сказал, что на пять, вернулся через две, поправляя штаны, следом растрепанная и растерянная медсестра, которая явно не ожидала такой прыти.

– Пошли – сказал он мне, сбрасывая мою руку с плеча черненькой – пошли, оставь эти глупости.

– Глупости? – возмутилась сестричка.

– Ладно, иди быстро ей вставь пистон и пошли, дело есть.

– Быстренько? – оскорбилась девушка.

– Ах ты еще недовольна – возмутился Проша, выталкивая меня животом из сестринской – тогда вообще голодная ходи...

А я был настолько поражен нестандартностью ситуации, что даже не сопротивлялся особо. А когда мы подходили к лифту, пришедшие в себя девицы кричали на весь коридор вслед нам добрые слова напутствия.

И когда мы пришли в отсек, Проша повел себя очень странно. Я был уверен, что он продолжит пить, раз уж помазал губы спиртом, пить и болтать, но он убрал со стола коньяк со словами – надоело, сколько можно – сел, выкатив брюхо и уперевшись кулаками в ляжки.

– Так, короче... слушай и не перебивай. Я постараюсь не выпить, а вот тебе выпить надо бы, тогда проще будет принять то, что я тебе скажу. Выпьешь?

– Нет. Ты меня только что лишил бабы чтобы предложить выпивку? Проша, так только конченные алкаши поступают.

– Хотел бы я быть конченным алкашом – хмыкнул Проша – живут себе в своем мире, счастье стаканами меряют, все у них хорошо, даже если совсем плохо. Нет. Я выступаю вестником, я должен тебе рассказать все что знаю.

– Хорошее начало – хмыкнул я – торжественное такое. Ну ладно, раз уж ты меня женской ласки лишил, то развлекай на всю катушку. Только помни – я трезвый, а трезвого рассмешить сложнее, чем пьяного.

– Да мне вообще плевать, будешь ты смеяться или нет!! – взвился Проша – моя задача – донести до тебя то, что я должен, все, не больше. Понятно?

– Мне понятно, что ничего не понятно.

– Короче. Этот самый дед – или мужик, неважно – которого мы только что отвезли в морг, был твоим тудином.

– Кем?

– Тудином. Это тот, кто следит за шаманами, чтобы не безобразничали. Да вроде тебе это он сам объяснял? Ладно, я повторюсь. Именно он наделил тебя силой видеть прошлое во всех подробностях и деталях – правду, а не вымысел. Ты, уже владея мощью, наделил силой меня и девочку эту, Угланку. Мы теперь тоже эти. Шаманы.

– А вы хотели?

– И мы не хотели, и ты не хотел. Кто ж нас спрашивать будет.

Ты должен был остаться в тайге, но ты слинял, и ему пришлось ехать в Москву. Тут тоже было весело – менты его принимали раза три, еще бы – в болотных сапогах и советской кепочке, типичный бомж. Ну да это ладно, как брали так и отпускали, шаман он или кто? Так на него местная колдовская элита окрысилась – тут своим места мало, а еще какие-то таежные чукчи понаехали.

В общем, были разборки, которую мы видели, как грозу, одного из местных он убил молнией...

– И его тоже убили? Он же мертвый?

- Нет, все хуже. Он передал тебе все свои знания. Он теперь это ты.
- Ой...
- Ага. Говорю же – хуже.
- А может лучше?
- Может и лучше. Он сказал, что телесные знания ты получишь от контакта с его мертвым телом – у живого эти знания получить тяжело, рассудок их давит, даже у такого мастера, как он. Только у трупа. Вот ты их получил, обучение твое, так сказать, закончено.
- И что это все значит? Весь этот бред?
- Этот бред значит, дорогой мой дружок, что теперь твоя жизнь не будет прежней. И будет тебе весело. С тебя – то есть с него – спросят за эту смерть.
- То есть я теперь он?
- Да нет же – поморщился Проша – ты будешь им только в тех сторонах, которые твоего видения касаются, магии и прочей необъяснимой чертовщины, прости, Господи. И ты его ощущать не будешь, ты будешь только знать то же самое, что и он. Понятно? Личность твоя останется нетронутой, точнее, она уже тронутая, от нее мало что осталось, ты что, сам этого не чувствуешь?
- Не знаю пока. А этот... мудим... гудим...
- Тудин?
- Да, он куда делся?
- Ты это он. Ты сам будешь за местными магами – которые реальные маги, а не лживая шелупонь – следить.
- Этого мне еще не хватало...
- Да. Еще ты будешь следить за энерготерапевтами, ограждать патологические источники...
- И такие есть?
- И такие тоже есть, купировать лишние воспоминания у некоторых людей, который, как и ты, видят больше, чем должны, ну и участвовать в разборках. На тигре летать.
- Тигр стоит в гараже?
- Спит в коридоре. Это так, дань традиции – у ведьм – метлы, у шаманов – тигры. Могли и без них обойтись, вот ты, прекрасно летаешь без вспомогательных предметов и животных. А, да, летать ты теперь будешь осознанно. Главное, тело захватить, чтобы его за пьяного не приняли, или спящего, или больного. Такое случается.
- Что случается? Ты мне мозг взорвал.
- Я тебе – мстительно произнес Проша – а мне какво было? В коридоре тигр храпит, у тебя глаза закатились, мужичок этот тебе руки на голову наложил, озоном пахнет, гроза урчит – и мне все эти сведения потоком прямо в башку текут. Ты говоришь, пил – да я бы вообще под кувалду лег, чтобы забыть все. До сих пор страшно.
- Летать, говоришь, осознанно?
- Говорю – не просто осознанно, а реально осознанно, вот как мы сейчас с тобой разговариваем, так ты и летать будешь. В общем, скучать не придется.
- Проша поскреб ногтями свои рыжие лохмы.
- Вроде ничего не забыл.
- Ты забыл объяснить, как я буду все это делать?
- Почему, ничего я не забыл. Ты будешь это делать. Точнее, не ты, а твой тудин, часть которого ты принял от мертвеца. Тело знает, оно сделает.
- Тело знает, ага.
- Слушай, ешь окорочок. Мне все равно, веришь ты мне или нет. Если не веришь, то дурак – сам мне рассказывал, как медведя над Бурей пугал.

– Да это – смутился я – это вообще сон был. Вещий. Сны-то вещими бывают? Про них знают все. А про то, что ты мне сейчас плетешь, не знает никто.

– Не положено. Все хотят, ни никто не может. А ты избранный, вот теперь радуйся. Летай по ночам, за энергетикой следи, колдунов кошмарь, чтобы не зарывались. Веселая у тебя жизнь, я скажу, наступает. И берегись.

– Чего мне беречься?

– Они хорошие люди, эти колдуны да маги. Еще с древних времен повелось – убивают друг дружку. А сегодняшние еще и деньги делят.

– Прошенька... Прошенька, миленький, давай я тебе просто так платить буду? Только скажи мне, что все это ты придумал чтобы меня напугать? Пойдем на этаж, нажремся – я даже нажраться готов – девок наших обиженных порадуем? Скажи, что все вранье.

– Это правда.

Я смотрел на своего напарника – он стал каким-то другим, то ли возвышенно грустным, то ли растерянным. Жизнь наладилась – деньги текли рекой, дочка бегала под ногами, в кастрюле, одолженной из приемного покоя, бурлили в бульоне раздутые окорочка жирных американских химических кур, работы были надежны. Тем более вторая – смотришь в будущее и говоришь то, что от тебя хотят услышать – не правду же им заявлять, в самом деле? Ради светлого будущего большинство готово с последней копейкой расстаться.

– Ну хорошо, правда так правда. Но скажи, когда я это все успею? Ты столько наговорил. И летать, и смотреть, и энергетика, и с магами какими-то сражаться, большое мне надо, вообще-то говоря. Это все надо сделать?

– Господи, ты меня спрашиваешь, как будто я это придумал. Не я. Я сам толком ничего не знаю. Могу сказать одно – каждому оно – он ткнул пальцем в потолок – дает только то, что нужно. Ты смотришь в прошлое – так ты в него всегда смотришь. Человека, более заикленного на прошлом, я еще не встречал.

– Ты это, хорош, а? – возмутился я. – У нас вся жизнь, вообще-то, прошлое. Секунда щелкнула – и все, она в прошлом. Будущего мы не знаем, настоящее через секунду станет прошлым, что нам с этим делать? Мы только и можем, что вспоминать, с благодарностью или ужасом, или с радостью.

– Нет. Ты не хочешь вперед смотреть. Придет время, когда ты будешь таскаться по местам, в которых был счастлив каких-то тридцать лет назад, беседовать с призраками, радоваться, когда вспоминаешь какие-то милые особенности. Тебя можно будет понять – впереди ничего хорошего, скорее всего, в прошлое человек прячется, как в теплый кокон. Который ни хрена не греет.

– Прош, так у меня дар такой – прошлое видеть, сам же знаешь.

– Налей-ка. Тоска накатила. Налей.

Я налил, мне тоже было не по себе. Проша опрокинул коньяк как воду и, не заедая, продолжил.

– Нет, к тому времени ты видеть перестанешь. Ты уже пройдешь все этапы и будешь мыкаться по Земле, ожидая решения своей судьбы. Таскаться по местам, в которых был счастлив...

– А где я был счастлив?

– На Гурьевском скоро будешь. Съедешь туда. Будешь жить полгода в полной гармонии...

– Погоди. Не знаю я никакого Гурьевского. Что я там забыл? Что там вообще?

– Что там? – Проша прищурился, глядя в никуда – там универсам во дворе, овощной на горке, овраги по дороге к метро и лента леса вдоль МКАДа.

– Хорошо описал, молодец – засмеялся я – все точно, только адрес не назвал.

– Гурьевский проезд, как не назвал?

– А номер дома? Куда мне ехать? Что бомбиле называть?

Проша ответил абсолютно серьезно.

– Дом такой, большой, углом к дороге, там несколько таких. Твой самый крайний у поворота к церкви. Самый крайний, этаж то ли восьмой, то ли седьмой.

– Может еще обстановку опишешь?

– Да запросто. Финский гарнитур, прожженная тахта, тумбочка с телевизором. Шкаф. Ничего особенного. Балкончик тесенький. О, девка. О, девка. Еще девка. Смотрю разгулялся ты там.

Я смотрел на своего друга с сомнением – я жил на Подбелке, рядом с Кремлем – ну что такое пятнадцать минут по московским меркам? – рядом с громадным парком, где паслись лоси, дворы в те времена не сильно отличались от леса и окна соседних домов терялись в зарослях. Какой еще Гурьевский? Что он несет?

Но спорить не стал – был видно, что моему товарищу, к которому я привык за время нашего вынужденного соседства, очень, очень плохо и не помогает коньяк. Точнее, не то что не помогает, а не берет.

– Вот зачем, зачем мне это все? – бормотал он, безумным взглядом уставившись в пространство – говорила мне Катька – надо были тихонько сидеть в охране и ни с какой мистикой не связываться. Колдун, мать его, шаман, мать его, тудин, его мать – зачем мне это все? Зачем мне это все? Зачем мне полеты на тиграх? Зачем мне вообще про это знать? Как мне хорошо жилось, как мне хорошо жилось, баба под боком, дитё под ногами крутится, дом есть, баба под боком...

– Дите под ногами, Прош, хорош, ты начинаешь повторяться.

Одернул я напарника, который, кажется, не очень понимал, что говорит.

Тот поднял на меня рыжеватые невидящие глаза и ответил.

– Прош-хорош-борош- пропьешь...

После чего обмяк и с приглушенным стуком сполз со стула на пол.

Последняя ночь в охране была та еще – на полу в углу залиvisto храпел мой товарищ Проша, которого я оттащил в этот угол нечеловеческим напряжением всех сухожилий. Горящая на столе лампа – черная, на одной кривой ноге, тридцатых – сороковых годов, свет такой направляли в лицо врагам и саботажникам – вдруг начинала мигать и иногда гасла совсем, при том, что в дальнем холле свет продолжал гореть бесперебойно.

Я старался не обращать внимания на странности и пытался заснуть – но старый дом будто жаловался на года странным стуком, потрескиванием, какими-то шорохами и скрипом. Ныли от непогоды все его балки, все стропила, каждая доска потрескивала под грузом прожитых лет.

Иногда я проваливался в ямы короткого сна и тут же просыпался с бешено колотящимся сердцем и слипшимися от пота волосами, пытаюсь понять, что меня так напугало. Один раз в дальнем конце коридора мне померещился мощный силуэт громадной кошки – я закричал, крестя его размашисто, и зарылся головой в бушлат.

Таким меня и увидело серое бессильное утро.

Проша поднялся с пола, слегка покачиваясь, покосился на меня с ненавистью – с ничем не оправданной ненавистью, решил я – и стал стаскивать с жирного тела пятнистый камуфляж.

– Это что значит? – полюбопытствовал я, прихлебывая крепчайший горячий чай – ты будешь охранять в гражданке?

– Я не буду больше тебя охранять... – пробурчал Проша – хватит, доохранялся. Мне своей мистики хватает, твои проблемы еще. Все, нет меня больше в твое жизни, понял?

– Зарплату повысить? – уточнил я, зная Прошину любовь к деньгам и безделию.

– Ты не купишь мою душу – отчеканил в ответ тот.

– Мне не нужна твоя душа, мне нужно твое тело, оно свои функции выполняет как надо.

Проша, рыжая похмельная грозовая туча, если такие бывают, посмотрел на меня как на врага народа, пожевал губами, поскреб когтями волосы и согласился. Но сначала – в магазин.

И мы пошли в магазин, где Проша взял флягу французского, разлитого в соседнем подвале, коньяка, лимон и шоколадку. Мы встали под грибочек на детской площадке, тем более что детей в замечательное бурное время становилось все меньше и меньше, а менты делили кормные участки, конкурируя с бандитами. Я отказался, мрачный Проша сделал несколько глотков и вдруг замер, уставившись в пустоту блеклыми глазами.

– Вот зачем мне это? – в сотый раз за последние сутки спросил он – вот зачем? Приехал бы я домой, пьяненький, довольненький, жена котлетой накормилась бы, дочка под ногами побегала – мечта поэта, а не семейная жизнь. А теперь придется оправдываться, работу новую искать.

– Друг, погоди. Сейчас мы с тобой едем с одной работы именно что на другую работу, где ты за день получаешь столько, сколько тут за месяц, собственно говоря, на одной работе мы отдыхаем от другой работы. Что тебя не устраивает? И, кажется, я тебя пока не увольнял, хотя, наверное, стоило. Не надо было тебе про тигра говорить – что, мол, валялся у нас в коридоре. Я все понимаю, Прош, ясновидение, туда-сюда, я тоже кое-что могу, ты же знаешь, но вот летать на тиграх это чересчур. Это уже ни в какие ворота не лезет. Давай так – ты отдохнешь недельку, дочкой позанимаешься, а то она у тебя только лишь под ногами бегают, в кружок ее отдай, что ли, а потом возвращайся.

– Горит – вдруг вытаращил Проша глаза – подвал наш горит...

Когда мы через сорок минут добрались до Университета, все было кончено – из двери несло черной сажой и дымом с химическим привкусом, пожарные сматывали тяжеленные мокрые рукава, кашляли артисты и посетители магического салона.

Угланка, в дыра мантии которой просвечивало голое тело, не обращала на это ни малейшего внимания и раскачивалась, держась за голову. В стороне Лена выглядывала из-за крепких спин двух держащих ее актеров, глядя на Угланку и явно собираясь вцепиться ей в волосы.

Подвал занимал самодеятельный театр, магический салон и складское помещение газеты. Кроме того, в одной комнате ютились какие-то загадочные чертежники со своими кульманами, которые существовали, но ни с кем не общались даже во время редких и масштабных совместных пьянок, вроде тех, которые так умело устраивал Веня.

При здравом размышлении становилось ясно, что основную угрозу представляла, конечно, Угланка со своими магическими свечами.

– Да они не!!! – начала было оправдываться колдунья и осеклась, понимая, как глупо выглядит. Что они? Ненастоящие? Так настоящие. Не могли поджечь? Могли, почему же не могли. Но только свечи были не при чем. Я четко видел, что некто со свернутым носом и полуседым бобриком на голове полил стены и двери чем-то из бутылки, кинул спичку, убедился, что пламя побежало по дорожке и охватило то, что нужно – и рванул вверх с воплями.

– Это поджог, Лена, не бей моего работника.

– А ты откуда знаешь? – зло бросила мне Лена, но попытки кинуться на девушку прекратила – ты что, ясновидящий?

– Ну почти – не стал я спорить – я прошло видящий. И я совершенно точно знаю, что это был поджог, даже знаю кто его совершил – только вот не знаю, как доказать. Да никак не докажешь, что уж тут. Ты мне просто поверь. Угланка не виновата, она сама дымом надышалась и едва не погибла...

– Кстати, да... я чувствовала, что бензином запахло, а потом уже... и что мне от этого, легче? Помещение в негодность пришло, мы и так самодеятельные, не чета вам, аферистам и обманщикам, нам дураки деньги не несут мешками!!

После этого крика души – а Лена действительно была на грани нервного срыва, в полосах размазанной сажи со слезами по лицу она тряслась крупной дрожью и все порывалась сбежать

обратно в подвал проверить, не осталось ли там кого-нибудь – Проша подошел к ней, легко подвинув мощных актеров и обнял за плечи.

– Тебе сказали же, что мы не совсем аферисты? Так вот он может смотреть только в прошлое, я – только в будущее. И я тебе говорю – вижу это совершенно отчетливо – что отсюда вы переедете на два дома в сторону, вон туда, за школу, будете жить и работать не одном месте больше тридцати лет, станете районной знаменитостью...

– Мы? – выдавила какой-то писк Лена.

– Ты и твой театр...

– А мировая слава?

– Мировой у тебя не будет, не стану врать, не будет даже городской – но в районе все тебя знать и уважать будут. Так что не переживай. Тут, в этом подвале, тоже никакой славы не видно.

– Ну спасибо – Лена поджала губы и сбросила его руку – зачем мне такие предсказания? Сюда к нам сам Авилов в гости приходил, а Авилов звезда...

– Умрет через три года, пользуйся знакомством – брякнул Проша.

Лена, разукрашенная копотью, как островной людоед, вытаращилась не него возмущенно.

– Он молодой, он здоровый, он только-только звездой стал!!! – зачастила она свои доводы. – Аферисты вы, в общем, один свою девку выгораживает, потому что дураку понятно, что пожар произошел от ее свечей, другой на великого артиста поклеп наводит, клеветает... и так всем тяжело, вы еще тут нагнетаете. Вот уж послал Бог соседей, одни проблемы от вас, сидели бы в своем подвале, и никого не трогали, нет, надо бизнес делать, помещения сдавать...

– Да, там места поменьше. Зал, подсобка, фойе и раздевалка. Сдавать нечего, невыгодно для тебя, точно. Да я и не говорю, что ты поджигала.

– Да ничего я не поджигала – устало вдруг сказала Лена – что-то совсем нервы шалют, дай что-ли закурить...

– Вот, сама бычки везде кидает, полные урны окурков, в зал театра войти невозможно, все прокурено, а на нас клеветает!!! – вдруг завопила Угланка.

– Окурки бы долго воняли и тлели – устало махнула рукой Лена – а все схватилось, правда, как от бензина. Может быть действительно поджог. Пусть, в конце концов, специалисты разбираются. А поскольку это форс-мажор, Угланка, то никаких денег за аренду я вам не верну.

– Кто бы сомневался – дернула щекой Угланка.

Проша подошел, положил на плечо тяжелую лапу и сказал – ну что, кто это все устроил?

И, не дожидаясь ответа, заявил, что все это ни к чему, что наши пути в ближайшее время разойдутся окончательно, что его судьба – писать книги и сидеть сиднем в охране, а моя – заниматься черт-те чем, что мне самому будет непонятно.

Видно, что вид у меня стал такой растерянный и грустный, что Проша неожиданно хохотнул.

– Ну что ты, господи, как маленький, губки задрожали, глазки заблестели – разойдемся мы с тобой, подумаешь, велика беда. Жизнь идет и бесконечно меняется, я бы даже сказал – меняется каждую секунду, на мое место придет тридцать человек, желающих с тобой дружить. Правда, пить целую ночь напролет и получать за это деньги у них вряд ли получится, да и вообще не получится ни у кого.

– Это почему? – удивился я, тем более что Прошина банальные заклинания на меня странным образом подействовали успокаивающе.

– Хорошее время сейчас – деньги пилят и ничего ни от кого не требуют, все понимают, что это туфта. Потом станет сложнее, начнут бумажки раздавать да и не попьешь ночами. Так что наслаждайся.

– Я и наслаждаюсь – пробурчал я – только шашлыка не хватает или рыбы закоптить, не отходя от кассы.

– Да не нужны нам шашлыки, мы и так неплохо закусим. Пойдем, у меня тут недалеко знакомые работают, приютят бедных погорельцев... да, кстати, рано ты еще со мной расстаешься. Мы еще на Гурьевском попойнствовать успеем.

Глава 2. Шкатулка – дворницкая

Пожар в подвале был только началом грандиозных перемен. Во-первых, начальство охранной фирмы не поделилось деньгами, которые им выделила больница – и договор был расторгнут из-за форс-мажорных обстоятельств (повальное пьянство охраны в рабочее время).

Во-вторых, Прохор был переведен в столовую на метро Университет, в двух шагах от подвала, где мы так весело предсказывали будущее и ворошили прошлое. Не надо забывать, что два шага по московским меркам – это примерно три километра.

В-третьих, из-за некоторых близкородственных пертурбаций, простите мой плохой французский, меня выселили на самый край города, одна поездка куда длилась больше часа – на тот самый Гурьевский проезд.

Там были огромные просторы, частично застроенные такими же громадными домами, окна которых на закате пылали и плавилась. Пустые дороги, заячьи следы на газонах, жидкие прутики озеленения, медленно и редко ползающие автобусы, ядовитые грибы ларьков с пальной водкой и всем, что может потребоваться заплутавшему пьянчуге или уставшему трудогику, опять просидевшему до ночи и оставшемуся голодным.

Были и места культурного отдыха для истинных ценителей природы – сеть глубоких оврагов, до которых еще не дотянулась рука благоустроителей и который заросли по склонам буйным лопухом, бурьяном, бузиной – а внизу пробивались ручейки.

Тогда, в те жутковатые, но веселые времена еще не пришла повальная мода на здоровый образ жизни, и в дикие овраги попадали только любители горячительных напитков. Склоны работали как дозатор, после определенной дозы становясь неприступными.

Поэтому алкаши либо регулировали количество выпитого, либо просто ложились спать на деревянные ящики до трезвения, никому не мешая.

Укромные места были известны только своим, в овраги, которые почему-то пользовались дурной славой, не забредали даже собачники.

Конечно, поскольку меня уволили с одной работы, поскольку накрылась другая, а накоплений должно было хватить лет на пять нескромной жизни по самым нескромным подсчетам, я совершенно не волновался.

Обладая избытком свободного времени, я бродил по окрестностям, удивляясь просторам, оврагам, лесу за тихим и пустым МКАДом, который я переходил свободно в любом месте.

Квартирка, в которую меня поселили, дабы дать ближайшей родственнице наладить наконец-то личную жизнь, была новенькой однушкой на седьмом этаже, с куцым балкончиком, тесной кухней и медлительной электрической плитой. В ней держался стойкий запах стройки, бетона, штукатурки, сварочного дыма, и непонятно чего еще. Не спасали ни новые обои, не свежий линолеум – хотя в букет запаха он тоже внес свою нотку.

В этих местах держалось стойкое ощущение оторванности от мира – вечером я смотрел на полосу ошестинившегося леса возле кольцевой дороги с ползущими по ней редкими огнями машин, на окна, в которых последние закатные отблески сменялись желтым электрическим светом, и тосковал.

Мне не хватало очереди -всех этих экзальтированных дам с безумными глазами неофитов, всех этих заботливых старух с сынками, который волком воют от заботы, трясущихся пропойц с водянистыми красными глазами и мелко морщинистыми подглазьями. Не хватало Угланки, которая пока что не пришла в себя после пожара – а может, решила отдохнуть от магии или чем мы там занимались.

Ну и жирного рыжего Проши с его вечно глумливой ухмылочкой, необузданной похотью и болтливостью, чего скрывать, тоже не хватало.

Здесь не было друзей, не было привычного мне района, каждый двор которого хранил какую-нибудь историю – все новое, чужое, равнодушное, и в этом новом – чужом я сам становился немного другим.

Я уже не играл по правилам, которые мне навязало окружение, я не старался выглядеть таким, каким они меня привыкли видеть – и поэтому сам мог выбирать, кем мне быть.

Для Угланки я был пугающим представителем всего необъяснимого, с чем она долгое время безнаказанно игралась; для Проши – раздражающим неудачником, который по прихоти судьбы получил в дар возможность зарабатывать много и не тратя на это силы. Остальным на тот момент на меня было откровенно наплевать – страна распалась, и выросшие в тепличных условиях позднего Союза люди барахтались, пробуя удержаться не плаву, либо, подняв выпела и флаги, торжественно шли ко дну.

Но неудачником мне себя видеть банально не хотелось. Пугать глупую девушку мистикой, в которой я и сам совершенно не разбирался – тем более. Поэтому я сидел в чужой квартире окнами на закат и благодарил Бога, что осенью не бывает летних гроз.

Вся Прошина болтовня про мою особую миссию, про колдунов, которые не хотели пускать кого-то там в Москву и потеряли своего представителя, насквозь прошитого молнией, про районы, за которые я отвечаю, и прочий бред я постарался забыть.

Точнее – поскольку совсем забыть никак не получалось, полное одиночество и безделье никак не помогали изжить ненужные знания – я предпочел воспринимать все произошедшее как сон.

Разве не мог во сне тигр дремать в коридоре? Во сне он мог делать что угодно, в том числе и летать по грозовому небу.

Я тысячи раз повторял, как мантры или молитвы, все свои доводы, стараясь забыть про людей, говорящих чужими голосами, про свою способность видеть прошлое в мельчайших деталях – ничего этого не было, а если было, то мне не место среди здоровых людей.

Мне было непонятно – на рынок в те года хлынул чудовищный поток плохой литературы, весомую часть в которой занимала литература эзотерическая. Во всех книжонках, напечатанных на дешевой бумаге, с ужасными аляповатыми обложками, в разных вариантах повторялась одна и та же мысль – для того, чтобы человек достиг нирваны (просветления, третьего глаза, четвертого крыла или хотя бы научился водить банальную ступу с метлой) ему нужен учитель.

Мой учитель, человек без паспорта, давно упокоился в общей могиле с прочими достойными забвения людьми, и никак помочь не мог.

И я благодарил Бога, что магия дышала мне в затылок, как тот тигр, но пока не решалась на прыжок. Что бы я делал, обнаружив в коридоре полосатую кошку – я понятия не имел. Оседлал бы его и рванул в самый центр клубящегося мрака, с треском разрываемого огненными зигзагами? Да ну, об этом даже подумать страшно.

Вот я и старался не думать. В глубине квартиры что-то бубнил черно-белый телевизор, сумерки наваливались и растворяли привычный мир в тенях и темноте, огненная полоса горизонта тускнела и над ней уже появлялся настоящий мир – великая пустота, неподвластная разуму.

И вот когда я, успокоенный неторопливым течением моей ленивой жизни – причем я сознательно не путешествовал в прошлое. Потому что, простите, прошлое из учебников – это одно, а прошлое на самом деле это совсем другое – почти вылечился от вечного нервного напряжения, жизнь нанесла мне удар.

Просто раздался звонок – да такой громкий и наглый, что я аж подпрыгнул. Мне никто не мог звонить, меня никто не знал, у меня не было друзей, не было врагов, не было даже шапочных знакомых, мне не могли принести пенсию или позвать в деструктивную секту... пожалуй в деструктивную секту могли.

С этими мыслями я открыл дверь – и прямо на меня уставился блеклыми водянистыми глазами навываще широкоплечий мужик с обвисшей шеей. Реденькие тщательно уложенные волосы придавливала заслуженная советская кроличья ушанка, драповое пальто было тяжелым даже на вид, грубые ботинки пережили не одну зиму и в них каждый палец, каждая мозоль имели собственное гнездо – в общем, настоящая обувь.

Из кармана торчала бутылка, заткнутая бумажной пробкой, при этом никакого запаха от мужика не ощущалось.

Мужик отодвинул меня в сторону и прошел в тесную прихожую.

Далее путь его лежал прямо на кухню, прямо в ботинках, прямо за стол. На него он поставил, громко стукнув, бутылку и сказал.

– Что за идиотизм. Пей.

А я стоял с отпавшей челюстью и не знал, что мне вообще делать. Закрывать дверь и изобразить радушного хозяина? Да фиг его знает, что у этого мужика с видом бедного советского инженера в голове. Выгнать его? Что-то мне подсказывало, что просто так он не уйдет. Пить с ним? Вот еще не хватало пить со всякими татарами, которые лучше незваного гостя. Или хуже, неважно. В общем, пока я тарасился на него, мужик с грохотом пододвинул табуретку и ткнул в нее пальцем.

– Садись, тебе говорят. Или у вас стоя пить принято? Ну ладно, я встану.

С этими словами он, действительно, встал, и мне пришлось садиться, чтобы придать этому бреду хоть какую-то логику.

– Так, значит. Весь город лихорадит, меня вызвали вот в этот хлам – он провел рукой по своему облику – поселили, чтобы я тебе ЧД передал, нечисть на окраинах от рук отбилась, колдуны районы делят, а он тут прохлаждается. Ты хоть понимаешь, задрыга, сколько парсеков мне пришлось преодолеть? Да с какой скоростью?

– Со световой? – пискнул я.

– Со световой!!! – заорал мужик так, что я подпрыгнул – со световой можно только асфальт класть, как раз застыть успеет, со световой вашей. Естественно, со сверхсветовой, иначе я бы никуда никогда не успел.

– А кротовые дыры? В смысле червивые норы? Вот так – чпок...

Я показал пальцами чпок, чем привел мужика в неописуемую ярость.

– Идиоты!! – завопил он – Придурки!!! Дебилы!! Кого смотрящим поставили!!! Давно пора менять традиции!!! Кротовые дыры у него!! Червивые уши!!! Уши устали!!! Сопляк!! Малолетка безмозглая!!! Мне что, еще на сто лет оставаться? В других галактиках дел, что ли, нет!!! Вы одни, что ли, такие придурки!!! Бараны!!! До чего довел планету этот фигляр!!!

– А что – закричал я, понимая, что выгляжу дураком, но не в силах удержаться – мы не одни во вселенной? У нас есть соседи?

Мужик в ответ посмотрел на меня странно и ответил, неожиданно тихо.

– Ну конечно есть, дурачок. Не только там, но и здесь. Сто раз уже говорено. Но ты, конечно, уникал. Приперся в чужую епархию, ничего не знаешь, ничего не умеешь, никакого авторитета, поставлен на должность по благу – тут люди по двести -триста лет ждут, пока она освободиться, это ж ответственность какая!! – а тут выскочка откуда-то из тайги приперся на своем амурце и давай молниями швыряться да достойных колдунов мочить в сортирах. Естественно, общественность вознегодовала, конечно, меня вызвали, а я, простите, на секунду, хоть и рядом был, на Проксиме Центавра, но своими делам занимался. Отодвинуть бы тебя от дел, на самом деле...

– Отодвиньте, а? Я не против. Мне эти амурцы с колдунами на хрен не упали, в душе не люблю, за что мне такая должность, тем более что на нее других претендентов предостаточно. Отодвинь, а, дяденька? Я ж молодой еще, мне жить хочется, а я смотрю на прошлое без прикрас – какое там жить, заснуть и не вспоминать...

– Да-да, забыть и наплевать... как я тебя понимаю. Но ничего поделывать не могу.

– А почему? – вознегодовал я – почему ты можешь прилететь из Альфа Центавра...

– Проксима, извините...

– Из Проксимы, извините, а вот снять меня с какой-то дурацкой должности, которую я не хотел, не просил, которую мне навязали, ты не можешь? Ну где тут логика?

– Он в самом деле идиот – пробормотал мой гость и закатил выпуклые голубовато-блеклые глаза – где ты хочешь логику найти? В этом мире? Посмотри повнимательней вокруг. Единственный способ не сойти с ума – это не искать никакой логики. Тогда можно жить, и даже вполне комфортно. Как только начнешь искать логику или, прости, Господи, справедливость – все, твоя песенка спета.

Он выдернул бумажную пробку – сколько ж лет я таких пробок, скрученных из любого подручного листка, тетрадного или газетного, не видел – сделал несколько глотков из горла и протянул мне.

– Вот еще ваш идиотизм – пить при встрече.

Я отхлебнул и чуть не задохнулся, в бутылке было что-то ядреное и ядовитое, то ли самогон, отдающий спиртом, то ли спирт, настоящий на самогоне. При этом от гостя запаха по-прежнему не было. О чем я и не преминул сообщить.

– А должен быть запах? – удивился тот – надо же. Я-то думал, что это так, в плане тренировки воли. Такую мерзость пить добровольно невозможно, только ради тренировки. Значит, запах должен быть?? Странно все у вас тут. Думаю, не будет запаха, и если ты увидишь человека с бутылкой, но без запаха – значит наш, шифруется.

– А зачем шифроваться под алкоголиков?

– Это очень удобно. Понимаешь, нам не нужно привлекать внимания, люди существа истеричные и склонные к массовому психозу, особенно если пласты смещаются и к вам приходят гости из других миров. На самом деле они частенько заглядывают, но путаются – то в одежде, то, вот, с запахом, нельзя полностью чужих особей дублировать, это невозможно, все равно не чем-нибудь да собьешься. Я понятно объясняю?

Я что-то промычал утвердительное.

– Так вот, а алкоголикам многие странности прощаются. Ну, если они добровольно согласны убивать свои мозги, так они на все способны, не так ли? Странная одежда и странное поведение доступны только пьяницам, поэтому мы и шифруемся под них. Но еще и пахнуть надо, оказывается, ну что за чушь...

– Так, хорошо, допустим, ты приперся ко мне со страшным пойлом, но без признаков опьянения, в чужом теле... кстати, мне сказали, что больше никаких вселений??

– Никаких вселений в живых людей. В мертвых – сколько угодно.

Усмехнулся мой гость. А у меня мороз пошел по спине в самом прямом смысле

– Так, знаешь что – вытянул я руки – ты давай держись от меня подальше... блин, труп пришел... спасибо, что не пахнет...

– Да успокойся ты – засмеялся гость, показывая нехорошие зубы – жив этот товарищ, правда, уже давно в других измерениях, но вполне бодр и весел. Он не распадается на атомы в могиле и тем более не горит в печи, у него теперь другая миссия. Будет к тебе навещаться в критических ситуациях, нужные знания я ему оставлю и энергетику поменяю.

– Так это морда будет моим учителем?

– Он не может быть ничьим учителем, он может быть только хранителем некоей информации, которую я в него вложил. Ладно, я рядышком был, я если бы я в Аттракторе проверял вновь поступивших? Что бы вы все без меня делали?

– Я не знаю, чтобы мы без тебя делали. Я не знаю, кто такие эти мы, я не знаю, что нам надо делать, что надо делать мне, что происходит и так далее. Я ничего не знаю и знать не хочу.

На этот выкрик, выстреливший прямо из самой глубины души, мой ночной гость только пожал плечами.

– Какие вы тут все смешные. Хочу, не хочу, могу, не могу. Кто вас спрашивает? Дали – делай, вот и все. Нет, блин, надо возвышенно страдать, пока твое время меж пальцев утекает. Могу, не могу, хочу, под... (тут он употребил всем известное слово любимого действия озабоченных подростков. Я только рот открыл)

– Так – продолжил космический гость, или откуда он взялся на мою голову – так, вроде все. Наш смотрящий сидит в однушке и романтично смотрит на закат, ни черта не делая и ни черта делать не собираясь. А все с ног сбились.

– Не знаю, куда они сбились, знаю, что я не прятался и не собираюсь. Точно так же понятия не имею, какой от меня может быть толк. Я от чтения мыслей отказался? Отказался. От просмотров прошлого тоже хочу отказаться, или хотя бы цензуру ввести.

– Цензуру? – удивленно поднял блеклые брови гость – Зачем вам цензура? Ваша цивилизация вроде только что от нее избавилась.

– Я говорю про мою личную цензуру, если уж навязали мне просмотры прошлого – причем не только своего – то уж будьте добры, сделайте так, чтобы я видел то, что привык видеть.

– В смысле? – спросил гость с невинным видом.

– В смысле мне не надо видеть, как кто-то испражняется в кустах, или совокупляется, или вообще, убивает!!! Тем более что я ничего сделать не могу!! Нарвусь на то, как Чикатило развлекался – и все, прощай рассудок. Неужели непонятно?

– Многие знания – многие печали.

– Ну вот, приехали. Давай еще про закопанный талант и разбросанные камушки мне расскажи.

– Не расскажу, не бойся. Ладно, парень ты ушлый, со своими проблемами сам разберешься. Я вот что думаю – пока смотрящий ушлый, но бестолковый, мне, наверное, придется сюда наведываться регулярно. А каждый раз новое тело искать накладно. Этот вот человек хороший – родни нет, от сына – недоумка он давно уже отказался, живет от запоя до запоя. Он меня устраивает. Но если я его отпущу, то помрет не дай Бог.

– Ты же сказал, что он уже помер?

– Да мало ли что я сказал – отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, гость. – Зачем все понимать так буквально. У вас тут дурацкое и сложное общество, помереть можно по – разному. Например, сначала человек помирает в социуме, поэтому мы так любим вселяться в пьяниц. С ними хлопот меньше, можно говорить все, что угодно, все равно спишут не белую горячку или хотя бы галлюциноз. Вот этот вот...

– А, кстати, как его зовут-то?

– Юра его зовут. Бывший офицер, сидел в кабинете с окнами на Кремль, спился с круга, бросила жена, отказался от сына, живет, как я говорил, от запоя до запоя. Вполне себе мертвый человек, отказ белковой оболочки дело времени и ничего уже не изменит. Я понятно объясняю?

– Понятно – кивнул я головой – только непонятно, зачем.

– Затем что искать подходящее тело становится все сложнее и сложнее.

– Ну?

– Ну и я думаю – пускай постоит у тебя тут за шкафом. Места он не занимает, есть – пить не просит...

– Что? – заорал я – зачем мнедохлый мужик в комнате?

– Не дохлый, а полудохлый – миролюбиво произнес Юра про себя.

– Зачем мне полудохлый мужик за шкафом?

– Да просто так, пусть постоит, есть не просит, попку подтирать не надо...

– Попку?!!!!

– Только пыль иногда стряхивай. Зато – ну что ты руками машешь? – когда мне придется тебя спасать, то не нужно будет судорожно искать подходящее деградировавшее до должного уровня тело. Что непонятно? Вот он стоит. Влетел, отряхнулся, почесался и вперед, на подвиги, проверять, что тут мои идиоты накосячили.

– Не согласен!!! – отрезал я – если что – на помойку его выкину. Ты мне лучше вот что объясни, если твои идиоты косячат, как я об этом узнаю?

– А, точно!!! – обрадовался Юра – точно, совсем забыл.

Он достал коробочку детского вазелина со стилизованным рисунком норки на крышке и осторожно протянул мне.

– Погоди – подозрительно начал я – ты зачем мне вазелин протягиваешь?? Ты на что это намекаешь? Я не из этих, если что, можешь и в рыло...

– Машинка перемещения.

– А, машинка перемещения. Понятно. А где кнопочка?

– Зачем кнопочка? Концентрируешься на ней и тебя отправляет туда, где ты нужен. Если ты нигде не нужен, значит сидишь на месте. А если тебя пытаются убить, или тебе надо своего тигра вызвать, или, например, нужно слетать ко мне на Проксиму, в общем, на всякий другой случай – тогда сильно нажимаешь на крышку. Пока она не вдавится и не сделает такой тихий щелк. Щелк услышал – готовься.

– Господи, к чему мне еще готовиться?

– Ну, если ты собрался ко мне в гости, готовься к полету минут на десять. А это прохладно и дышать нечем. Шучу. Дышать не надо.

– Так, погоди... нас учили, что самая крайняя скорость для материи в пространстве – скорость света. До этой твоей Проксимы даже со скоростью света лететь хренову тучу времени.

– Небо!! Небо не видело такого тупого пацака. – воздел руки к потолку Юра – ну кто тебе говорит о материи и пространстве? Конечно, ты полетишь вне материи и вне этого вашего пространства. Ну просто же, любой школьник во Вселенной это знает, любая форма жизни, кроме вас.

– Пстой – пстой – мне показалось, что из Юры сейчас вылетит гость, торопясь к себе на Проксиму – подожди. То есть мне эту коробочку нужно просто таскать с собой и думать о том, что куда-то надо слетать? А вот раньше я по ночам летал, это другое?

– Конечно другое. Очень тяжело научиться управлять энергией, поэтому ты носился, как летучая мышь, выпущенная из ада, и ничего толком сделать не мог. А с коробочкой ты будешь знать, куда тебе лететь, и сможешь полностью контролировать ситуацию. Для домашних перемещений – просто концентрация мысли, для далеких вне вашего мира – нужно нажать крышку. Все просто. Только...

– Что только?

– Только ни в коем случае, никогда крышку не открывай.

– Там что, ядерный заряд? – издевательски спросил я, намереваясь тут же открыть крышечку.

– Гораздо хуже – серьезно ответил Юра.

– Концентрированное зло?

– Никакого зла, все намного хуже.

– Бином Ньютона?

– Гораздо, гораздо хуже.

– Бозон Хиггса?

– Нет, ты что, конечно же хуже.

– Искусственный интеллект?

– Да, страшнее этого вашего ИИ ничего придумать нельзя, но нет. Тоже хуже.

– Землетрясения, извержения вулканов, цунами, циклоны? Хотя как они в эту малюсенькую поместятся... хуже?

– Очень хуже.

– Так не говорят.

– Я уже не знаю, как сказать, что хуже. На полном серьёзе убеждаю тебя, дорогой – не открывай коробочку ни при каких обстоятельствах.

– Ты понимаешь вообще, что ты делаешь? Как только ты уйдешь, я, как нормальный человек, незамедлительно коробочку открою. И что? Мир ждет катастрофа?

– Угу.

– От коробочки с вазелином?

– От того, что внутри коробочки без вазелина. Что у тебя за манера? Ты для того, чтобы радиоприемник слушать, разбираешь его на кусочки? Нет. Зачем тебе ее открывать? Пользуйся, у тебя на Земле еще дел полно, а уж по другим измерениям и галактикам – вообще уму непостижимо. А ты из-за глупого каприза хочешь все на кон поставить.

Какие-же вы идиоты, все-таки. Да открывай. Я успею слинять, ты нет.

И я в самом деле хотел открыть этот самый коробок с вазелином – но не смог этого сделать. Окаменели пальцы и онемели руки. А Юра только усмехнулся.

– Я тебя предупредил, а ты пробуй, пробуй. Если откроешь на свою голову – я тебя предупредил. Да, Юру за шкаф поставишь?

– Нет!!! Я не открываю вазелин, ты мне не оставляешь Юру!!!

– Ну ладно. А хорошее тело, мне понравилось. Надо будет что-нибудь с ним придумать. Ну, вроде все. А, работка тебе подвернется – ты не отказывайся, знаю я твою манеру, отказаться от возможности, а потом плакать, что тебе не помогают. Теперь точно все.

После чего незванный гость устался на меня вполне человеческим, осмысленным взглядом, потом посмотрел по сторонам и прижал руки к груди.

– А что я тут делаю? А что я тут, пью? А ты кто, парень? Ты меня позвал? А почему закусь не соорудил? А можно я у тебя несколько дней покантуюсь, коли уж пригласил, а то баба у меня такая – прямо уши от ее ругани устали. А?

– Не-не-не, друг, ты просто заблудился и попросился водички попить, я тебя впустил, вошел в положение, а сейчас ты пойдешь куда-нибудь туда, мне дела делать надо, хороший ты мужик, замечательный, вот и иди...

– Да там дождь пошел!! – слабо отбрыкивался Юра.

– Вот – вот, дождь пошел, и ты иди...

Я вытолкал Юру, хорошего пьющего мужика, которого, как я подозревал, увижу еще и не раз, и упал в кресло.

Я не собирался работать, даже не думал об этом. Зачем? Денег хватало более чем. Но тут встал другой вопрос – а что делать -то, если не работать? В новом районе, без друзей, без даже шапочных знакомых и без дела можно банально свихнуться от скуки.

Но в офис я, свободолюбивый зверь, не пошел бы ни за что. В охране только – только отработал, да и не работа это была, а удобное, но вредное в плане здоровья времяпровождение. В общем, в охрану я возвращаться не собирался.

Но и занять себя не мог – квартиру я давно привел в относительный, чтобы не раздражать настоящего хозяина, порядок. Денег был вагон. Друзей тут не было, а те, что были в других районах, ожесточенно выживали.

От скуки и ничегонеделанья меня так и подмывало открыть коробочку – кстати, она, махонькая, весила как полноценный золотой портсигар.

Я спрятал ее в самый дальний ящик, я попытался запретить себе даже думать об этом странном подарке – конечно, не более странном, чем все остальное, приключившееся со мной, но чем больше старался забыть – тем больше хотелось если не открыть ее, то хотя направить себя куда-то туда, где я нужен.

Именно в это время возле Третьяковской галереи, где прямо на асфальте сидели доморощенные художники (а художником, кстати, может стать каждый. Не каждый может свою мазню втюхать дуракам) и среди них – моя подруга по биологическому кружку в Доме пионеров. Она, скучая возле каких-то нелепых картинок, играла на флейте. Надо сказать, что играла она гораздо лучше, чем рисовала.

И на нее положил глаз один из местных деловаров, который взял в аренду у находящейся рядом педагогической библиотеки (которая находился в древнем, находящимся под охраной государства особняке) несколько помещений, среди них – находящийся прямо у въездных ворот домик. (Да простит мне читатель многократное нахождение в предложении слова «находящихся». Ну поделаться, если она находились – да и находятся – ровно на тех же местах, что и двести лет назад?)

В общем, в распоряжении нового знакомого моей подружки Ольги были – бывшая столовая, быстро переоборудованная под ресторан и домик возле ворот, с которым тоже надо было что-то делать.

За домиком рос – да и сейчас растет – древний дуб, который можно было обвить цепью и показывать как Дуб Ученого Кота, но хозяин не отличался творческим полетом.

Ольга же соображала гораздо лучше своего начальника – место в историческом центре, рядом с легендарной – да что там рядом, в одном шаге – всемирной известной галереи, в которую каждый день идет мощный поток иностранцев.

Не забывайте, что только-только рухнула великая держава, в которой хорошо жилось всем, а некоторым так просто очень хорошо, и победившие буржуи полезли любоваться на дымящиеся развалины и набирать трофеи.

Буквально за неделю домик дворника, еще помнящий запах его портянок и махорки, бывший в советское время складом лопат и разного инвентаря, превратился в маленькое чудо.

Внутри появились два стеклянных прилавка, по стенам, оббитым темно-зеленым бархатом, зеркальные арочные подсвеченные витрины, потолок прикрывал четырехгранник в виде половины ромба, как крышка от шкатулки.

И везде сияли золотом, красками и камнями матрешки, сувениры, различная бижутерия – в общем все, что могли увезти иностранцы на память о дикой лапотной побежденной России.

Они заходили, пригибая головы, в низкую дверь и останавливались, потрясенные – а уходили всегда с полными пакетами.

Именно в эту шкатулку Ольга и пригласила меня работать продавцом. Сначала я отнекивался – я не любил торгашей, да и сейчас не люблю людей, продающих все, от родины до сигарет.

Но согласился – потому домашнее одиночество могло попросту раздавить.

И понеслось веселье – за день я забираю от пятисот до тысячи долларов, условных единиц, как тогда говорили. Я нагло впаривал буржуям безделушки по сто долларов, а стоящие вещи – в десять раз больше их цены. Одну пачку я собирал для расплаты с поставщиками, другую брал себе, третью отдавал Ольге для расчета с хозяином.

Постепенно у меня в друзьях появились ювелиры, художники, иконописцы, мастера по росписи шкатулок, огранщики алмазов, шлифовщики полудрагоценных камней, изготовители кабошонов, ученые из ФИАНа с горстями фианитов, столяры с некрашеными заготовками матрешек и ковшов.

Мне привозили деревянных птиц Северной Двины, нефритовые шары и скульптуры, каменные пепельницы, малахитовые шкатулки, тигровые глаза, раухтопазы, килограммы янтарных ожерелий, финифть, зерненное серебро – и все это сметалось удивленными иностранцами практически подчистую.

Постепенно мне стали приносить всякий ювелирный хлам для починки – и пришлось искать умелых ювелиров, отдавать им работу, забирая свой процент.

Ольга же носилась, как угорелая, по Арбату, скупая оптом матрешек и прочий ходовой товар – хотя я предлагал наладить по квартирам собственное производство, от которого мы могли бы получать в два раза больше, чем от обычной спекуляции.

В мои дела она не лезла, получая прибыль и делясь с хозяином – а разборки хозяина с братками меня совсем не интересовали.

Я каждый день клал в карман пачку долларовых купюр, то потолще, то потоньше. Я закрывал домик на висячий замок и пробирался сквозь ларьки ко входу в метро – и через сорок минут ждал на продуваемой остановке замороженного автобуса.

Личной жизни на тот момент у меня не было – точнее, была, но я не обращал на нее особого внимания. В «Малахитовую шкатулку» на реализацию свои поделки приносили и молоденькие хиппующие девушки – которые не прочь были предаться телесным радостям с пользой для дела. Проша оказался прав – через однушку на Гурьевском прошел не один десяток крошек, украшенных фенечками и молодостью.

Коробочку я спрятал в самый дальний угол шкафа и зарыл в тряпки – потому что некоторые особо шустрые особы совали свои носики буквально в каждую щель. Что они искали – не деньги же?

Тем не менее жизнь наладилась и была прекрасна, как я понял всего лишь через двадцать лет. Правда, приходилось вставать в семь часов, стараясь не смотреть в окно, чтобы не видеть низкого рассветного свинцового неба, бежать на остановку, где имеющие работу счастливыцы штурмовали автобусы и заклинивали двери своими телами. Вставать я не любил, не любил любой порядок – но работа среди красоты, новые люди и деньги искупали все эти неудобства.

Мистика, как мне казалось, отступила под натиском ежедневных важных дел – как-то после работы и отхватил двух огромных золотистых, жирных копченых лещей, причем без всякой очереди и борьбы. Очередь и борьба остались сзади, я был первым покупателем мужика с Волги, который накопил рыбы, приехал на Ордынку и встал прямо на тротуаре торговать.

Когда я, нагруженный лещами, шел себе к метро, на меня наткнулась Ольга, тащившая за руку девушку с холщовой сумкой – сумка была легкая, но распертая изнутри дощечками северных щепных птиц.

Ольга сказала, что это наш поставщик, Рая, и не нужна ли мне девушка на ночь? Рая тонко заалела, а моя ретивая начальница уточнила, что прелестному поставщику негде ночевать.

В общем, ладошка поставщика перекочевала в мою лапу, а Ольга помчалась раскладывать товар.

С этой девушкой, Раей, история получилась забавная. Её в столицу привез то ли ухажер, то ли начальник кооператива, щипающего и клещащего тех самых деревянных узорных птиц. Повез, намереваясь ошарашить своим северным размахом в столичных ресторанах, но уже в начале пути нажрался до поросычьего визга. На вокзале его положили на тележку, сгрузили в номер с вещами, и бедная девочка, ошарашенная шумом, толпами, машинами, догадалась дозвониться Ольге домой – та ее и спасла, забрала товар, выдала деньги и определила ночевать.

Когда мы приехали на мою окраину, когда длинный автобус, кряхтя и просаживаясь, скрипя гармошкой и поворотным кругом, потащил нас к берлоге на седьмом этаже, Раечка посмотрела в окно на непроглядный мрак и далекие огоньки, и удивленно сказала – это Москва?

Я уверил бледную северную красотку, что это именно Москва, что встретил я ее в десяти минутах прогулочным шагом от Кремля, что Москва, моя красавица, очень разная, и вот такая тоже. А также рассказал историю – как приехавший на заработки мужик попал на рубку ухода в Лосиный остров. Днем они валили и трелевали деревья, вечерами пили, а за добавкой ездили на тракторе.

Так вот он возмущался, что за водкой ночью по лесу на тракторе он и дома ездить мог, подумаешь, Москва!!!

Раечка хохотнула и сообщила, что водку тоже можно, но ради такого случая она предпочла бы коньяк. А что ты не пьешь, то это только твои проблемы – читалось в ее льдистых насмешливых глазах. Она уже вполне отошла от первого шока, я, судя по всему, понравился, да и ночь обещала быть томной.

Она и была томной, как может быть томной скачущая карьером лошадь или кошка весной – бледный северный мотылек, прозрачная русалка, тающая среди ночных теней, невинное дитя со вздернутым носиком и искусанными губами задала мне жару.

Я был, конечно, не против, но намеревался все-таки поспать перед работой хотя бы пару часов – или отпроситься у Ольги под предлогом знакомства нашего нового поставщика с красавицей столицей.

Она сидела на перевернутой постели, движениями гибкой спины показывая, где ее надо погладить, и вдруг.

– У тебя там что, лампочка?

– Какая лампочка, где, ты о чем?

– Да вон, смотри!! Вон, в щель свет пробивается!!! В шкафе!!

Я еле успел схватить ее за тонкое запястье – девица, пряткая, как коза, чуть было не открыла дверцу, и обязательно открыла бы коробочку.

Свет, пробивающийся из щелей дверцы, образовал ровный прямоугольник.

– Да что у тебя там? Аквариум? А почему так низко?

– Ну да... аквариум... травка... Аленький цветочек.

– Да почему- в шкафу-то?

– Чтобы не украли, неужели не понимаешь?

– Да отпусти руку, я посмотрю!!

Вместо ответа я завалил ее на себя, хохочущую и брыкающуюся, но любовных игрищ уже не вышло – ей обязательно надо было посмотреть на аленький цветочек в аквариуме.

Она, увернувшись от моих крепких рук, метнулась к дверце, я прыгнул за ней и просто обрушился сверху, но дверцу она успела распахнуть, с удивленным воплем вывалить кучу барахла и едва не схватить коробочку.

Я взял легкую и голую девицу поперек тела, бросил на кровать и погрозил кулаком. Шутки кончились, ты опасную область сунулась, поняла?

Комната была озарена дневным белым светом – маленький кругляшок на ворохе одежды был похож на раскаленный уголь.

Моя прелестница сидела – на лице выделялись распахнутые потемневшие от зрачков глаза, она понимала, что происходит что-то странное и не понимала, как себя в этой ситуации вести.

Я швырнул ей халат, первое, что попало под руку, и приказал одеться – Юра говорил, что достаточно взять в руку и решить, куда ты направляешься, но он ничего не говорил ни про спутницу – она со мной или останется трястись от страха, когда я исчезну? Или я не исчезну? Или она отправится со мной? Но халат лучше надеть.

Моя маленькая северная гостья не стала спорить, напялила халат, в котором могла скрыться полностью, с головой, и съежилась на диване.

Я не сомневался, что, возьми я коробочку в руку, что-то произойдет – мало ли повидал чудесных чудес за период после экспедиции? Но сомневался, выдержит ли психика девушки такого поворота.

Поэтому сначала взял ее за руку, а потом уже коробочку.

Свет ударил по глазам, сменившись радужными вспышками, а потом тьмой, из которой постепенно проявились обшарпанные стены, слоистый дым и гудевшие приглушенным ульем голоса.

– Самолет летит, колеса стерлись, мы не ждали вас, а вы приперлися. Посмотрите сюда – смотрящий материализовался. С ума сойти. А чего ты голый, Смотрящий? Богатством решил похвалиться? Да не чем там хвастаться, тоже мне, монстр выискался.

После чего девица с задорным носиком, крупными кудрями, сигаретой в напояженных губах ударила меня бедром, проходя мимо, отчего я впечатался в стену.

– Дайте одежду какую-нибудь – крикнула она куда-то в пространство – Он появился, но голый и грустный. А, понятно, его с бабы сняли. И бабу с собой притащил. Блин, кто его только воспитывал? Чужое место занял, найти его не могут, да еще и девку с собой таскает. Ты не знаешь, что ли, что мы закрытая организация?

Это она кричала уже из комнаты, одновременно убирая со стола остатки от торта, пустые чашки, фантики и прочий пищевой мусор.

В коридоре появился маленький, лысый, с круглой головой, носом картошкой, выпяченной нижней губой, широкими плечами и внушительным пузом. Он, не особо глядя на меня, уставился на мою спутницу, которая прижала руки к губам, а мне сунул какие-то тертые джинсы и свитер.

– Оденься. Позвольте представиться – Кернер. Поэт. Тут очень важное собрание, миледи. Один из наших колдунов собрался убить писателя. Между нами, его и нужно убить, но не так же, не самостоятельно. Нужно общим собранием, закрытым, чтобы не страшно было возмездия, проголосовать, занести в протокол, а потом уже куклу использовать. И вообще, куклы – это поза... в общем, давно ушедший век. Вы со мной согласны, сударыня?

Рая и кивала, и крутила головой попеременно, но когда Кернер ухватил ее под ручку и попробовал отвести от меня, вырвалась, отшатнулся и прижалась ко мне.

– Вижу, вижу – замурлыкал Кернер – что ваше появление здесь расстроило вашу и без того некрепкую психику... оно и понятно – старый алкаш в любовники метит, плохо спали, опять же перемещение это... кхм... нестандартное. Мыслишки, как бы в Москве остаться...

Тут я, неожиданно для самого себя, дал ему леца по гладкой лысине.

– Так, Кернер-поэт, принес одежду – и катись к комнате. Или ты берега попутал? Теперь понятно, твои соратники писателей убивают. Писателей!!! Ум, честь и совесть народа!!!

– Ты!! – Кернер стал подпрыгивать на месте, махать кулачками и выглядел очень задорно, но совсем не страшно – Ты руки не распускай!! Твоя задача следить за нами, а не драться!!! Мы на тебя такую порчу напустим, никакой шаман не спасет!!!

Вместо ответа я положил руку ему на лысину – поскольку прыгать он перестал не сразу, то некоторое время казалось, что я играю магом, как мячиком. Потом он спохватился, сбросил руку, выпятил губу и убежал в комнату.

Комната представляла собой обшарпанное помещение с пластами обоев, отслаивающихся со стен и обнажающих их холодный бетон, тахты из продавленных и кое-где прожжённых подушек, стульев с вытертыми сиденьями. На мебели пестрели головы красоток – в общем, маги собирались в жилище явного маргинала. Как будто прочитав мои мысли, Кернер, который, как оказалось, и не обиделся вовсе, пояснил.

– Во время встреч всякие вещи случаются, иногда их невозможно контролировать. Ты вот на тигре летать будешь, а один индус слона в квартиру притащил. Пока мы его в другое измерение спрятали, у соседей снизу люстра упала и потолок трещинами пошел. С алкашами

проще, от них всего ожидать можно, свалили все на гирию, которой дурак собрался здоровье поправлять.

– И что, поверили соседи?

– Нет – логично ответил Кернер – но слона им в любом случае предъявлять не стоило.

– И так – он колобком выкатился на середину комнаты – у меня есть для вас пренеприятнейшее известие.

Кернер начал и замолчал, но поскольку никто из присутствующих не стал продолжать цитату из классика, он, вздохнув, продолжил.

– Известие такое. Один из наших магов взял на себя наглость, я бы даже сказал смелость, вершить самосудие.

– Правосудие? – уточнил я, садясь на пахнущую гарью тахту и прижимая рукой испуганную Раю.

– Самосудие, он решил самостоятельно вынести приговор и привести его в исполнение. Понимаете? Сам. Без особых на то причин. Писателю!!! Светочу надежд и проводнику поколений. Для приведения приговора была изготовлена кукла, которую зарядили низшей энергией нашего подзащитного...

Я толкнул локтем соседа. Тот посмотрел на меня и тихо пояснил.

– Низшая энергия – энергия выделений. Самый простой способ воздействия на человека, никому в голову не придет.

– И собрался его уморить. Хорошо, что наш смотрящий пресек это действие и собрал собрание для вынесения вердикта.

Он сел на пол, скрестив ноги, потом подскочил, крикнул – начинаем прения!! – и опять сел.

Я оглядел собравшихся – собравшиеся оглядели меня и мою спутницу. Они явно ждали какого-то выступления, но какого?

Я встал и откашлялся.

– Господа и леди, вынужден признать, что причина собрания, на мой взгляд, совершенно отвратительна. Как можно убивать писателя, который и так всей своей жизнью показывает направление к свету истины, к моральным, так сказать, вершинам, к вечному русскому самокопанию, интеллигентской рефлексии и очистке духа от напластований низших человеческих стремлений?

В тишине раздались жидкие хлопки. Девица со кудрями, встретившая нас в коридоре, изогнула рот скобкой в знак восхищения и показала большой палец.

– Мастер – сказала она тарачившемуся на меня бородачу с блестящим волосом и розовыми щеками. Кажется, это был один из невидимок, регулярно появлявшихся у меня в очереди. Вообще народа было негусто – Кернер, который катался по квартире, как колобок и ел глазами мою спутницу, кудрявая Вера, сноровисто разливающая чай и высыпаящая в вазочку печенье, бородач, какая-то девица в полумраке и виновник торжества – симпатичный толстогубый парень со стоящими гребнем светлыми волосами.

Он сидел, опустив голову, охватив ее ладонями, изредка только бросал на нас взгляды затравленного зверька.

– Ссмотрящий хочет дать любому писателю абсолютную неприкосновенность просто по факту того, что он накатал какую-то фигню? – медленно, как будто с усилием проговорил этот светловолосый.

– Нет, зачем же так однобоко – возмутился я – если в тексте нет, допустим, педофилии, некрофилии, копрофагии, например – в общем, всего того, что вызывает у нормального человека естественное отрицание...

– Есть – перебил меня светловолосый.

- Что – есть?
- Все это есть.
- Да перестань...
- Как скажете, но все это есть. Могу продемонстрировать.

Он взял с тахту потрепанную книжонку – я не понял, она там лежала или появилась и протянул ее мне.

– Попрошу тишины! – вдруг раздался голос из угла. Из тьмы выступила девушка, более всего подходящая под определение «ведьма» – вся в черном, с огромной кучей браслетов, колец, перстней, цепей, каких-то кулонов, знаков зодиака, свастик посолонь, черного газа, черной парчи, черных бус, мрачного блеска глаз из густо подведенных век.

– Пока уважаемый Смотрящий знакомится с предметом обсуждения, могу сказать в защиту обвиняемого – не мага, а писателя – что запреты только подогревают интерес, про плод мне повторять не надо, надеюсь? Когда же развенчаны многочисленные табу, они теряют всю магию привлекательности, соответственно, становятся чем-то обыденными и неинтересным.

– То есть ты предлагаешь вывести самые грязные, подлые и запрещенные вещи из темной зоны и сделать их обыденными?

– Нет, я предлагаю вывести их на свет и перестать демонизировать. Если нет ничего особенного – то это и не преступление.

– Ты считаешь, что есть дерьмо – это нормально?

– Ну это же не преступление!! – азартно воскликнула черная – все едят дерьмо, только многие этого стесняются, а многие пытаются не замечать.

– Что?? – начал приподниматься светлый.

– Ты на состав пищи смотрел? Одно сплошное Е, то есть дерьмо. Потом собаки часто едят какашки, вообще животные любят это дело. Они загружают свой кишечник советующей биотопу микрофлорой...

– Хорошо, Галя, а то меня сейчас стошнит...

– Какой ты нежный, Алёшенька, чего тебя в магию-то понесло?

– Никуда меня не несло, меня заставили. Делать мне больше нечего, как всяких козлов уничтожать...

– Так ты и не имеешь право, родной, никого уничтожать. Есть специальные демоны, вызвать их, правда, проблемно.

– Вот-вот. А мне просто, я на этом деле собаку съел.

– Что происходит? – шепотом спросил я у бородатого. Тот покосился на меня конским глазом, вздохнул и начал тихо объяснять.

– Леха самый впечатлительный из нас. Галя – самая циничная. Специально подбирали ради равновесия. Он готов убивать за любую оплошность, она готовая самую мерзость простить и дать время на исправление.

– А потом что?

– Ну, как обычно. Если не исправится – кирдык.

– Что значит – кирдык?

– Кирдык значит убиваем, отправляем в низшие миры отрабатывать.

– Долго отрабатывать?

– О, это долго. Иногда сотни тысяч лет.

– Так вы и до меня работали?

– Конечно работали, конечно, само собой, и прекрасно справлялись, уверяю тебя.

– Так я-то вам зачем?

– Глупая традиция. Мы и без тебя бы справились. Тем более что ты таким скандальным образом появился. Нам тут еще понаехавших со своим колдовством не хватало. Ты книжонку-то погляди, от тебя зависит, жить этому козлу или нет.

Я открыл наугад несколько страниц, проглядел их бегло и отшвырнул.

– Еще один неженка – засмеялась Галя – Ты что там прочитал? Как в рот испражнились или как ребенка совратил старик? Весь Запад давно уже этим занимается и никого не смущает. Подумаешь, в рот на...ли. А детки в кроватках что делают?

– Ты дура? – Теперь начал приподниматься я – Ты что несешь?

Черная Галя округлила глаза и рот.

– Ох ты, как мне страшно... напугал Смотрящий. Я говорю – это признаки Западной цивилизации, которую вы, замшелые совки, принимать не хотите. Не хотите каяться за преступления своих предков, не хотите вступать в семью свободных...

– Хватит пургу гнать. – Поднял ладонь бородатый – итак, никого не смущает, что Леха в обход пятерки решил свершить самосуд? Все считают, что только наше излишнее либеральное правосудие, как всегда, даст осечку и эта – прямо посередине комнаты вдруг появилось изображением сытой морды с длинными волосами и бородкой – эта тварь будет продолжать свое мерзкое – я бы даже сказал богомерзкое – дело?

Именно поэтому Леха взял на себя грех самоуправства?

Поскольку общество молчало, бородатый продолжил.

– Итак, в этой книжике совершенно точно описаны – более того, рекомендованы как полезные духовные практики – копрофагия, педофилия, гомофилия, зоофилия, геронтофилия...

– И это все в одной книжке!!! Какой талант погибнет!!!

Воздела руки черная Галя.

– А он погибнет? – уточнил я, все еще не понимая, что здесь происходит.

– Само собой погибнет. Мне-то что, я под любую дрянь оправдание найду и логику подведу, так что все согласятся и начнут, например, младенцев жарить. Но потом с меня же и спросят. Этот дебил продался за тридцать миллионов, а мне страдать? Ну нет.

– Только тебе?

– Всем нам. – пояснил Леха – мы не всегда можем сразу обнаружить таких вот подонков, но потом быстро срабатываем.

– Как это – срабатываете?

– Ну как обычно – смотрим на жизнь, проверяем, взвешиваем, и если зла он принес больше – убиваем. Жаль быстро не получается, людей очень много.

– А как вы...

– Так же как ты. Думаешь ты один в прошлое смотреть можешь? Это стандартная практика на одной из ступеней. Кто тебя только смотрящим поставил... бред какой-то. Ну, господа, последний кадр?

– Смотрим что человек делает. – прошептал мне бородатый – Бывает уже иглу занес, а он бац – и в монастыре грехи замаливает. Тогда отсрочка. Смотрим...

Изображение волосатого сменилось солнечной лазурью, лохматыми пальмами, искрящимся и слепящим простором. Загорелый Псараков (псевдоним ему, надо полагать, придумали под содержание) сидел, развалившись, в какой-то шелковой короткой размахайке. В руке его был бокал с маслянистой жидкостью, совершающий странные движения и готовый пролиться, в зубах была намертво закусена толстая и черная, как негритянский хрен, потухшая сигара, бессмысленные глаза то закатывались, то блуждали.

А внизу изображения прыгала белая голова в кудряшках.

– Тринадцать лет – сказал Леха, весь перекосившись.

– Не вздумай!!! – заорала вдруг Галя – ее же саму потом посадят!!!! Бей в сердце!!!!

И пишущий человек на солнечном берегу вдруг посерел, вытаращил глаза, захрипел, хватаясь рукой за грудь, бокал разлетелся вдребезги, из перекошенного рта на бородку побежала густая багровая струйка, мелькнула смуглым телом убегающая девчонка – и все было закончено.

– Леха, ты дурак!! Что за идея была челюсти сомкнуть!!! – опять закричала Галя, отвечивая Лехе легкого леща.

– Отгрызла бы ему хрен на хрен...

– И? Как бы ей жилось потом, ты об это подумал?

– Не подумал, ты подумала и остановила... смотрящий. Ты свидетель – все по закону произошло? Последний кадр, общее голосование, умерщвление без лишних мук? Хотя я бы на него рак наслал и наблюдал долго, долго, очень долго... ладно. Претензий нет?

Я сидел, открыв рот. Дрожала, прижавшись ко мне и стараясь спрятаться под руку, Рая, а остальные – Галя, Вера, Кернер, Леха, Борода – смотрели на меня.

– Я ваших законов не знаю, но если вы их перечислили, то вроде бы все по закону. А что Леха самосуд...

– А что Леха самосуд – этого ты не видал. Он его хотел совершить, но мы предотвратили. Значит, все нормально? Хорошо, куклу сожжем, чтобы дух в нее не вселился...

– А может?

– Конечно может. Он вообще вот тут, нас рассматривает, думает, как это мы его, прикидывает, что с ним дальше будет. Ничего хорошего. Слышишь?

Речь бородатого, который обращался неведомо к кому, прервало негромкое, но отчетливое поскуливание. Рая, собравшись комком, ныла – домой, домой, домой нас отпустите, дяденьки, тетеньки...

– В самом деле, дяденьки и тетеньки, отпустили бы вы нас?

– Мы тут не при чем, сами улетайте – сказал бородатый, улыбаясь. – или вы машинку для перемещения забыли?

– Забыли. Точнее, не знали. Да и страшно, уж больно сильно она светилась.

– Так сам виноват – надо следить за такими вещами, мы думали ты от нее вообще избавился, а это страшное преступление.

– Против чего?

– Против судьбы, дурачок. Ладно. Пока, и ведите себя прилично.

Утро было как обычно – серое, унылое, не хотелось не то что жить, а даже и двигаться. Моя новая партнерша сидела в кровати, охватив колени, и зыркала на меня испуганной кошкой.

Я принес ей кофе, но поставил на столик, опасаясь, что чашка может полететь в меня – а начинать день с горячей жижи на лице, каким бы паршивым он не был, не хотелось.

И удалился от греха подальше на кухню. Очевидно, красотка доползла до телевизора, который стоял в ногах кровати – хозяин был сибаритом и знал толк в наслаждениях – и включила первую попавшуюся программу.

И говорящая голова сообщила с ложным пафосом, что в своей вилле на Майями от сердечного приступа скончался великий писатель Псараков, провокационный революционер в мире художественного слова, знаток постмодерна, со смелостью хирурга вскрывающий гноящиеся язвы патриархального общества и ведущего его к истинной цивилизованной свободе.

– Я ничего не понимаю!! – закричала Рая, потрясая худыми кулачками – я просто приехала посмотреть Москву, вместо этого попала непонятно куда, непонятно зачем, при мне убили человека – а теперь телевизор говорит, что его действительно убили!!!! То есть мы с тобой

наблюдали убийство – а мне плевать, что он там такое пишет, раз издают, значит ничего страшного, и пусть отвечает издатель, а не писатель, между прочим!!!

– Да – я сел рядом, отодвинув чашку с кофе не безопасное расстояние – в самом деле. Мы видели каких-то странных людей, которые говорили странные вещи, а потом оказалось, что какой-то подонок, которого никак нельзя назвать писателем, да и человеком назвать трудно, сдох у себя на вилле от пережора. Чистая случайность, не более того. Может мы с тобой съели чего-то не того? Ты мухоморов не привезла случайно?

– Каких мухоморов?

– Ну, ядерных таких, с красными шапками, с белыми точками...

– Нет.

– Жаль. Тогда бы мы свою общую галлюцинацию на мухоморы списали. А так тебе помешалось. Или ты видела этот сон... как его.

– Пророческий?

– Да, точно.

– Так ты там тоже был!!! – выдвинула Рая последний аргумент.

– Я тебе снился, а мне ничего подобного не снилось. То есть снилась, но к Псаракову это никакого отношения не имеет.

– То есть что – ты не видел? Тебя со мной не было?

– Да нет же – врал я, честно глядя ей в глаза – как я мог там быть? Все, что я знаю, что сдох Псараков.

– Так ты его знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.